

УДК 811.111'42'38:82-31Бернс

DOI 10.37972/chgpu.2023.118.1.003

В. В. Катермина, М. В. Балаева

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РОМАНЕ АННЫ БЕРНС «МОЛОЧНИК»
КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА**

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвостилистических особенностей вербализации концепта «любовь» в романе Анны Бернс «Молочник». Авторами отмечается возрастающая значимость исследований в области дискурсе-анализа, позволяющего изучить текст не как застывшее статическое образование, а как динамичный и развивающийся языковой продукт. Также обращается внимание на важность изучения концептуального содержания дискурсивного полотна художественного текста как отражения культурных, национальных и личностно-авторских особенностей. По мнению исследователей, являясь одним из основных продуктов когниции, концепт служит богатым материалом о состоянии культуры различных этносов. В статье описываются различные подходы к структуре проведения дискурсе-анализа, основными положениями которого, как считает Т. А. ван Дейк, выступают контекстуальность, динамичность и коммуникативный характер. Авторами статьи кратко рассматриваются различные принципы и подходы к классификации концептов. Особое внимание уделяется художественному концепту, обладающему безграничным потенциалом, обусловленным его образностью и символичностью. Проведенный концептуальный анализ материала исследования позволил сделать вывод, что объективизация любви как аксиологического концепта в романе «Молочник» раскрывает особенности ценностных ориентиров того времени, выступая своего рода лакмусовой бумажкой. Основными средствами вербализации исследуемого концепта в анализируемом романе выступают лексема прямой номинации “love” и ее производные, а также языковые единицы, входящие в ее ассоциативное поле.

Ключевые слова: *художественный текст, языковая картина мира, концепт, вербализация, актуализация, дискурс*

V. V. Katermina, M. V. Balaeva

**LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF VERBALIZATION
OF THE CONCEPT OF LOVE IN ANNA BURNS' NOVEL “MILKMAN”
AS A REPRESENTATIVE OF MODERN ENGLISH ARTISTIC DISCOURSE**

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic and stylistic features of verbalization of the concept of *love* in the novel “Milkman” by Anna Burns. This paper notes the increasing importance of research in the field of discourse analysis, which allows us to study the text not as a frozen static formation, but as a dynamic and developing language product. The importance of studying the conceptual content of the discursive canvas of a literary text as a reflection of cultural, national and personal-authorial features is also noted. According to the researchers, being one of the main products of cognition, the concept serves as a rich material about the state of culture of various ethnic groups. The article describes various approaches to the structure of discourse analysis, the main points of which, according to T. A. van Dijk, are contextuality, dynamism and communicative nature. The authors of the article briefly discuss various principles and approaches to the classification of concepts. Special attention is paid to the artistic concept, which has unlimited potential due to its imagery and symbolism. The conducted conceptual

analysis of the research material allowed us to conclude that the objectification of love as an axiological concept in the novel "Milkman" reveals the features of the value orientations of that time, acting as a kind of litmus test. The main means of verbalization of the concept under study in the analyzed novel are the lexeme of the direct nomination "love" and its derivatives, as well as the linguistic units included in its associative field.

Keywords: *literary text, linguistic world-image, concept, verbalization, actualization, discourse*

Введение. Настоящая статья посвящена изучению актуализации концепта «любовь» в романе Анны Бернс «Молочник» как представителе современного англоязычного художественного дискурса. Цель работы – выявление лингвостилистических особенностей вербализации концепта «любовь» в указанном произведении.

Художественная литература всегда была областью знаний, представляющей особый интерес для ученых различных дисциплин, являясь отражением не только культурных, индивидуально-авторских, но и исторических особенностей. В эпоху активно развивающихся междисциплинарных исследований и антропологического подхода к изучению языка практически универсальным ответом на многие вопросы, волновавшие исследователей различных направлений, является дискурс-анализ, позволяющий изучить текст не как застывшее статическое образование, а как динамичный и развивающийся языковой продукт, а также анализ концептуального содержания художественных произведений как отражения культурных, национальных и личностно-авторских особенностей.

Актуальность исследуемой проблемы. Художественный концепт является отражением авторской картины мира, а также мировоззрения и системы ценностей того или иного этнокультурного сообщества. Лингвистические особенности вербализации концепта отражают особенности мышления и мировосприятия этноса. Одним из центральных концептов современного англоязычного художественного дискурса является концепт «любовь», выступающий в роли центрального сюжетобразующего элемента. Значимость данного концепта и особенностей его вербализации в произведениях современного англоязычного художественного дискурса заключается в воссоздании ценностной ориентации современного общества и ее выражении в произведениях литературы двадцать первого века как отражения аксиологических ориентиров той или иной культуры.

Материалы и методы исследования. В качестве материала для исследования послужил роман современной североирландской писательницы Анны Бернс «Молочник». В работе использовались такие методы и приемы исследования, как метод сплошной выборки для отбора практического материала; метод контекстного анализа, позволяющий выявить языковые единицы, наделенные новой семантикой, и обнаружить отклонения в дистрибуции различных лексем, представляющие собой основу большинства стилистических приемов; метод лингвистического анализа, нацеленный на определение системы языковых единиц, используемых для выражения идейно-тематического и эстетического содержания художественного произведения, а также описание стилистических ресурсов изучаемого текста; метод концептуального анализа, позволяющий выявить концептуальное содержание анализируемого текста.

Результаты исследования и их обсуждение. Идеи Ф. де Соссюра, высказанные в рамках структурализма как одного из направлений лингвистики, дали толчок к формированию дискурсивного анализа, базирующегося на идее о невозможности изучения языка в его отрыве от речи как его живой динамичной формы, что, по мнению Е. С. Кубряковой, провозгласило подчиненность всей языковой структуры его центральной коммуникативной функции [7].

Выраженность языка не только в разговорной форме, но и в письменной обуславливает двойственный характер понятия «дискурс». С одной стороны, его использование

более конкретизировано и относится к определенному одиночному акту коммуникации или новостной статье. С другой стороны, термин «дискурс» приобретает более абстрактное значение и относится к типу социального явления в той или иной сфере деятельности в общем. Кроме того, данный термин может применяться для описания различных идеологий и философий [17].

В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова определяют дискурс как результат восприятия сообщения, смысл которого соответствует замыслу отправителя, т. е. как знания, полученные в результате коммуникативного акта [6].

Т. А. ван Дейк основными компонентами дискурс-анализа считает использование языка, когницию и взаимодействие в определенных социокультурных контекстах. По мнению ученого, в рамках каждого из этих элементов в ходе дискурсивных исследований выделяются различные уровни, единицы и конструкции, объясняются стимулы их использования, а также формулируются правила и стратегии их нормативного и фактического употребления. Исследователь выделяет значимость дискурсивного анализа и его потенциала в выявлении многих социальных и ментальных явлений для многих гуманитарных и общественных дисциплин и приходит к выводу о том, что дискурс-анализ является самостоятельной междисциплинарной областью знаний со своими собственными объектами исследования, теориями, методами и принципами [16].

Общим положением различных классификаций базовых принципов критического дискурс-анализа является его неоспоримая контекстуальность, обусловленная динамичным характером анализируемого явления и его подчиненностью коммуникативной ситуации и ее участникам [8]. Данная характеристика дискурса неразрывно связана с еще одним положением, являющимся неотъемлемой характеристикой исследуемого понятия, – невозможностью существования дискурса вне общества, без которого немислимо осуществление когнитивных процессов. Исследователи также едины в подходе к дискурс-анализу как самостоятельной междисциплинарной области знаний, сосредоточенной на изучении роли и функций языка в процессах социального взаимодействия, а не как изолированной и статичной системы знаков [12].

Ни для кого не секрет, что язык является зеркалом, отражающим культуру страны, так как в основе любой языковой системы лежит восприятие народом – носителем языка – окружающей его действительности. Система понятий и познаний о жизни образует картину мира. Многими учеными-культуроведами было доказано, что восприятие это у всех народов отличается и зависит от различных факторов, таких как традиции, обычаи, верования и суеверия. Восприятие же мира отдельным индивидом зависит от его принадлежности к той или иной общности, а также от ряда личностных качеств и характеристик: характера, пола, возраста, образования и профессии. Таким образом, эта картина субъективна, так как представляет собой интерпретацию индивидуумом или целым народом окружающей действительности, и, следовательно, она уникальна для каждого отдельного языка.

З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют термин «картина мира» как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании» [10, с. 5]. Т. е. картина мира образуется на основе знаний и опыта предыдущих поколений, передающихся потомкам в народных песнях, сказаниях, обычаях и обрядах. Поскольку каждая нация обладает своим уникальным менталитетом, то и картина мира у каждого народа будет уникальна [5]. Национально-культурная специфика объективируется в ключевой единице лингвокультурологии – концепте.

Так как язык обладает огромным количеством концептов, мы говорим об их совокупности, системе, а именно о концептуальной картине мира. А так как в основе концепта лежит культура, то ее также называют культурной картиной мира. По В. И. Постоваловой, это глобальный образ мира, существующий в сознании того или иного социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека [4, с. 168].

Концепт, согласно научным дефинициям С. А. Аскольдова, Е. С. Кубряковой, С. Х. Ляпина, О. П. Скидан, – это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем» [6, с. 48]. Т. е. концепт – это все те идеи, мысли, понятия, которые соотносятся с данной языковой единицей в сознании индивида, ведь семантика слова не ограничивается лишь его прямым, денотативным значением, а несет в себе дополнительные оттенки и эмотивные и оценочные компоненты и обладает целым ассоциативным полем [6].

По типологии А. П. Бабушкина корпус концептов распадается на концепты-мифемы, представляемые образы мыслительных картинок, схемы, выражающиеся в объемных и контурных, т. е. пространственно-графических, схемах; фреймы, являющиеся особой структурой представления знания, в основе которой лежит определенная архисема; концепты-инсайты, воплощающие в себе описание функционала или внутренней конструкции предмета, сценарии, обладающие сюжетным характером и в своей семантике содержащие понятие движения или развития; калейдоскопические концепты, или концепты абстрактных номинаций (морально-этические, эмоциональные, образно окрашенные), постоянно меняющиеся и лишенные закрепленного за ними на постоянной основе мыслительного образа; логически-структурируемые концепты или понятия, лишенные образности [3]. М. В. Пименова говорит о трех основных классах концептов: базовые, концепты-дескрипторы (данная группа впоследствии подразделяется на дименсиональные, качественные и количественные концепты), концепты-релятивы [9]. Принимая во внимание внутреннюю структуру концепта, И. А. Стернин выделяет одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты [10].

С. А. Аскольдов определяет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2, с. 269]. Говоря об общности концептов познания и индивидуальности концептов искусства, исследователь вводит оппозицию между рассматриваемыми понятиями. По его мнению, концепты познания рациональны и лишены эмоциональной окраски, в то время как художественные концепты представляют собой «сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений». Т. е. художественный концепт отличается более высоким уровнем индивидуальности и уникальности внутренней структуры, так как он отражает мировоззрение конкретной личности, выступающей в роли создателя целого образного мира, обладающего собственной системой норм, ценностей и смыслов. Это подтверждается идеей Н. Ф. Алефиренко о том, что художественный концепт – это мысленное образование, не обладающее «жестко детерминированной связью с реальной действительностью» и, следовательно, не подчиняющееся ее законам [1, с. 58]. Данная особенность также обуславливает безграничный потенциал художественных концептов с их образностью и символичностью. Одной из ключевых характеристик художественного концепта является ассоциативный компонент, который, по мнению И. А. Тарасовой и В. А. Масловой, порождает размытость структуры художественного концепта, ее образное и эмотивное богатство и сложную психологическую установку [11]. Л. А. Петрова рассматривает художественный концепт как структуру уровня познания носителя языка, представленную лексическими единицами, тропами и средствами выразительности, являющимися характерными признаками художественной направленности в восприятии и познании окружающей действительности [9]. Таким образом, среди остальных типов концептов художественный концепт отличается более обширной образной, ассоциативной и метафорической структурой, является отражением особого отношения к миру, его поэтического осмысления.

Таким образом, можно сделать вывод, что художественный концепт, отражающий картину мира автора как представителя того или иного этноса, опыт, мировоззрение и систему

ценностей, аккумулированных в сознании языковой личности и воплощенных в его уникальной модели мира, обладающей своими собственными законами, нормами и системами, выступает в роли ключа к характеристике всего этнокультурного сообщества, породившего его, что обуславливает важность изучения современных художественных произведений в разрезе концептуального анализа, выявления их лингвистических особенностей, также способствующих отражению особенностей мышления и мировосприятия данного этноса.

Ярким примером произведения современного англоязычного художественного дискурса является роман североирландской писательницы Анны Бернс «Молочник». В сюжетной основе романа лежит история молодой девушки, преследуемой лидером местной группировки ИРА, пытающимся распространением слухов и психологическими запугиваниями превратить героиню в свою любовницу, что изначально уведомляет читателя об извращенности взглядов описываемого общества на любовь и романтические отношения, превратившиеся в отношения рыночные, в которых высокий социальный статус позволяет относиться к людям как к товару и с помощью дарованной этим обществом власти присваивать не только имущество и территорию, но и других людей.

Объективизация концепта «любовь» в анализируемом романе осуществляется преимущественно с помощью лексем прямой номинации “love” и ее производных. Для анализа лингвостилистических особенностей вербализации исследуемого концепта были отобраны наиболее сюжетно значимые отрывки.

Описываемое ирландское общество периода Тридцатилетнего конфликта поражено не только бесконечными насилием, жестокостью и эгоцентризмом. В романе Анны Бернс общество застряло в ловушке закостенелых взглядов и стереотипов. Бесконечная оглядка на то, что скажут другие, и попытки вписаться в общественные рамки, соответствовать общественному видению успеха и состоятельности превращают жизнь населения в некоего рода игру, победителем из которой можно выйти, лишь полностью лишившись собственного я, принеся его в жертву общественной удовлетворенности тобой. Одним из критериев, по которым оценивают состоятельность индивида, является его семейный статус – не только сам индивид, находящийся на рассмотрении у общественного жюри присяжных, должен соответствовать заявленным нормам, но и его избранник. Ярким примером носителя подобных взглядов выступает мать главной героини, всеми силами пытающаяся вразумить свою дочь и направить ее на путь истинный – путь обретения правильного партнера, способного повысить ее социальное положение и внести галочку в один из пунктов списка «как получить общественное одобрение». “She began religious observances and visits to the holy men with the intention, my younger, gleeful sisters informed me, that I give up these godless bigamous terrorists I was falling in love with one after the other, and that instead I fall in love suitably this time” [13, с. 59] – данная цитата, вербализирующая анализируемый концепт посредством прямой номинации, содержит адвербиальный безобразный эпитет “suitably”, наглядно иллюстрирующий деловой подход к решению любовных проблем, в центр семантической структуры вынося не испытываемые чувства, а характеристики объекта, эти чувства вызывающего, что полностью обесценивает любовь как одно из аксиологических понятий и иллюстрирует его искусственность и постановочность как одни из необходимых требований, выдвигаемых общественными установками. Поверхностное восприятие любви очевидно также из лексического окружения языковой единицы “love”, входящей в состав идиоматического выражения “fall in love” – “bigamous terrorists I was falling in love with one after the other”, – эпитет “bigamous” в совокупности с выражением “one after another” иллюстрируют быстротечность и ненадежность любовных переживаний, приписываемых главной героине, что служит знаком полного обесценивания любви. Подобное отношение является примером подмены понятия «влюбленность», для которого характерны перечисленные ранее признаки, понятием «любовь», отличающимся глубиной

испытываемых переживаний и их постоянством. Данная подмена выступает яркой характеристикой описываемого общества, обнажая его заикленность на материальных ориентирах и практической ценности всех сфер человеческой жизни.

Подобная девальвация также прослеживается в отношении лидера местной группировки ИРА к главной героине: “I was now this milkman’s new love interest” [13, с. 54]. Коллокативная единица “love interest” (two people, usually at young ages, who test each other with romantic advances and have sexual feelings for each other, but don’t actually commit to each other [15]), в состав которой входит лексема прямой номинации “love”, также выступает средством вербализации исследуемого концепта. Как видно из приведенной дефиниции, входя в состав коллокативного сочетания, языковая единица “love” утрачивает первостепенное значение возвышенного и глубокого чувства, уступая место физическому влечению, лишенному духовной основы.

Любые попытки главной героини взять на себя ответственность за свою жизнь и следовать собственным чувствам и убеждениям приводят к бесконечной критике со стороны ее матери, критике, граничащей с травлей: “In reality though, not only was I trying to seize love, she said, in a dreadful unladylike, pawing, stalking fashion, but also that I was in danger of slipping into that far from minor female world of accessory-to-murder itself” [13, с. 146]. Инверсия в совокупности с глагольной метафорой “seize love” и цепочкой эпитетов, нарастающая негативная окраска которых (unladylike – not appropriate for or typical of a well-bred, decorous woman, pawing – (of a person) touching or handling clumsily or lasciviously, stalking – harassing another in an aggressive, often threatening and illegal manner [15]) вводит еще один стилистический прием – градацию, создают одиозный образ нездоровой озабоченности романтическими отношениями, раскрывающий концепт «любовь» как нечто постыдное и неприличное, запрещенное общественными законами и способное привести к полному личностному разложению и падению на социальное дно. Примечательным выступает тот факт, что подобные выводы матери главной героини основаны исключительно на слухах, распространяемых в обществе, и отказе главной героини следовать предписываемой ее матерью тактике. Т. е. не только фактическое отступление от догм, но и их игнорирование награждают человека клеймом отступника, не имеющего шансов оправдать себя. Любовь же в рамках рассмотренной стилистической конвергенции выступает в образе жертвы. Из проведенного анализа можно сделать вывод, что вербализация концепта «любовь» в подобном контексте нацелена не столько на раскрытие темы любви как таковой, сколько на обличение социальных пороков того периода и той культуры через косвенное описание их ценностной системы. Консервативность взглядов, неспособность отхода от устаревших и извращенных ориентиров обесценивают общечеловеческие аксиологические концепты, превращая их в продукт материалистического мира, неспособного разглядеть реальной сути вещей и окунуться в глубину их семантики. Осознанное отгораживание себя от познания истинных ценностей неразрывно связано с политическими и экономическими условиями развития Северной Ирландии описываемого периода – перманентное состояние опасности и тревоги воздвигло в сознании общества защитные механизмы, перенаправившие его мышление в русло получения выгоды и обеспечения безопасности.

Важными для иллюстрации степени извращенности понимания концепта «любовь» являются отношения главной героини с ее безымянным молодым человеком. Неопределенность и шаткость их романа, в первую очередь, отражается в прозвище, которое подобрала для него повествовательница: “maybe-boyfriend”. Лексема “boyfriend”, выступающая одним из компонентов периферии ассоциативного ряда исследуемого концепта и определяемая полупрефиксом “maybe” (used to show that something is possible or that something might be true [14]), в своей первичной семантике (a man or boy with whom a person is having a romantic relationship [14]) не содержит семемы, способные вступить в подобные дистрибутивные

отношения, определяющие уровень уверенности или неуверенности в статусе романтической связи, так как центральная единица этой составной лексемы в своей семантической структуре подразумевает уже состоявшиеся отношения. Таким образом, подобный прием позволяет автору отразить еще один аспект концепта «любовь» как одной из центральных общественных ценностей в разрезе описываемого общества: в то время как старшее поколение практически возводит анализируемое чувство в статус социальных обязанностей, тем самым приравнивая его к материальным благам и девальвируя его, молодое поколение, пытаясь вырваться из рамок и стереотипов, навязываемых обществом, бросается в другую крайность – отрицание обязательств и стремление к свободным отношениям, изначально обреченным на провал. Подобные установки обусловлены двумя факторами: с одной стороны, боязнью общественного осуждения за неправильность выбора партнера и его несоответствие общественным ожиданиям, чего можно избежать, не только не подтверждая официальные отношения перед посторонними, но и убеждая себя в их отсутствии; с другой стороны, стремлением представителей молодого поколения дистанцироваться от всего, что может сделать их уязвимыми, их попытками исключить из жизни все элементы, которые могут быть использованы в качестве основы для шантажа и давления со стороны общества.

Извращенность любви также ярко иллюстрируется неоднозначными отношениями вероятного молодого человека главной героини с его лучшим другом: “The expression on his face – intense, uncouched, for he believed himself unobserved, therefore no reason for couching – was one of love. This was not a ‘best friend’ look of love, or a dispassionate, ‘concerned for all mankind’ look of love. There was no ‘maybe’ category about this look either” [13, с. 309]. Данный контекст прямой вербализации исследуемого концепта предлагает его рассмотрение в разных ипостасях – любви дружеской, платонической, любви к человечеству, противопоставляемых любви романтической. Повтор номинативной лексемы “love” концентрирует внимание читателя на чувствах, испытываемых действующими лицами данного дискурсивного отрывка, а атрибутивные единицы, вынесенные в обособленную синтаксическую конструкцию (intense, uncouched), подчеркивают их интенсивность и искренность, которые воспринимались бы абсолютно естественно в контексте отношений главной героини и ее вероятного молодого человека. Однако, принимая во внимание обстоятельства разворачиваемых событий, можно говорить о ненормальности и противоестественности происходящего. Молодое поколение описываемого общества настолько дистанцировалось от реальности и извратило отстаиваемые веками ценности, что в итоге оказалось неспособным к существованию в рамках не только социальных норм, но и биологических.

Невозможность обрести счастье в описываемом обществе обусловлена не только жестким социальным давлением, нацеленным на поддержание социального имиджа, но также тем фактом, что ожесточенная политическая борьба взрастила в людях, выросших в условиях постоянного страха перед смертью и потерей близких, неприятие счастья как такового: “If you married that one, the one you loved and desired and who loved and desired you back, with the union proving true and good and replete with the most fulfilling happiness, well, what if this wonderful spouse didn’t fall out of love with you, or you with them, and neither of you either, got killed in the political problems? All those joyful evers and infinites? Are you sure, really, really sure, you could cope with the prospect of that? The community decided that no, it couldn’t” [13, с. 233]. Отличительной чертой данного контекста вербализации концепта «любовь» единицей прямой номинации является большая насыщенность текстового полотна позитивно окрашенными лексемами: “true, good, replete, fulfilling happiness, wonderful, joyful”. В привычной коммуникативной ситуации подобная концентрация языковых единиц с положительной коннотацией призвана создать позитивный образ описываемого явления, однако в данном контексте автор разбивает сформировавшуюся миниатюру счастливой

семейной жизни вкраплением негативно окрашенных коллокативных единиц “got killed, fall out of love, political problems”. Кроме того, фразовый глагол “cope with” (to deal successfully with a difficult situation [14]), семантическая структура которого подразумевает наличие невзгод и препятствий, искажает образ взаимной любви как чего-то счастливого и приносящего легкость и покой, тем самым создавая своего рода оксюморон, вводящий читателя в состояние когнитивного диссонанса.

Рассмотренные случаи вербализации романтической любви как одной из составляющих концепта «любовь» иллюстрируют ее девальвацию и искаженность. Однако даже материнская и дочерняя любовь представляются фальшивыми и постановочными. Со стороны матери главной героини практически все общение с дочерью сводится к очередным попыткам получить общественное одобрение через постоянные нравоучения и попытки перевоспитать собственную дочь, не соответствующую всеобщим ожиданиям. Отношение к ней главной героини ярко проиллюстрировано в следующей цитате, объективизирующей концепт «любовь»: “Instead I thought, this is my life and I love you, or maybe I don’t love you, but this is who I am, what I stand for and these are the lines, mother” [13, с. 63]. Привычная безусловность любви ребенка к собственной матери и ее безоговорочное принятие как центральной ценностной фигуры опровергается адвербиальной лексемой “maybe”, ставящей под сомнения чувства главной героини к ее родителю. Подобная ситуация иллюстрирует атрофированность чувств, осознанное отгорожение себя от мира эмоций.

Таким образом, объективизация любви как аксиологического концепта в романе «Молочник» раскрывает особенности ценностных ориентиров того времени, выступая своего рода лакмусовой бумажкой. Ситуация военного конфликта отразилась не только на экономическом и политическом состоянии Северной Ирландии. Выступая миниатюрой всего ирландского народа, население изображаемого городка является яркой иллюстрацией того, какой эффект на человеческое сознание производят различного рода перипетии и конфликты, переживаемые в общественном масштабе. В попытках адаптироваться к новым жизненным условиям герои романа сформировали усовершенствованную и симплифицированную систему ценностей, более полно удовлетворяющую новые социальные потребности, сосредоточенные, в основном, вокруг материальной стороны жизни. Любовь как выражение самоотверженности и глубокой привязанности уступает место холодному расчету, рациональность превалирует над духовностью и эмоциональностью, искажая само понимание концепта «любовь».

Выводы. Из проведенного анализа можно сделать вывод, что основными средствами вербализации концепта «любовь» в романе Анны Бернс «Молочник» выступают лексема прямой номинации “love” и ее производные, а также языковые единицы, входящие в ее ассоциативное поле. Характерными чертами объективизации исследуемого ментального образования в дискурсивном полотне анализируемого романа являются отсутствие образности и метафоричности. Основными стилистическими приемами, способствующими вербализации концепта «любовь» и передаче его индивидуально-авторского видения в разрезе ирландского общества периода Тридцатилетнего конфликта, являются безобразные эпитеты, а также многочисленные стилистические приемы синтаксического уровня: параллельные конструкции, обособленные синтаксические конструкции, перечисления, градация, в некоторых случаях создающие феномен стилистической конвергенции, служащей выделению контекстуально значимых элементов повествования и элементов семантических структур языковых единиц, входящих в ее состав.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н. Ф.* Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. – Волгоград : Перемена, 2003. – 96 с.
2. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.

3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
5. Катермина В. В., Балаева М. В. Вербализация концепта «защита» в романе Маргарет Этвуд «Слепой убийца» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 4(113). – С. 27–37.
6. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Понятие логоэпистем // Россия и Запад: диалог культур. – 1999. – Вып. 2. – С. 248–257.
7. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
9. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 176 с.
10. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Истоки, 2001. – С. 58–65.
11. Тарасова И. А. Художественные концепты в формате поэтического словаря // Вопросы лексикографии. – 2019. – № 16. – С. 59–76.
12. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. – Харьков : Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
13. Burns A. Milkman. – London : Faber and Faber, 2018. – 368 p.
14. Cambridge dictionary [Электронный ресурс] // Cambridge University Press. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 03.08.2022).
15. Collins English Dictionary [Электронный ресурс] // Collins. – Режим доступа : <https://www.dictionary.com/browse> (дата обращения: 03.08.2022).
16. Dijk Teun A. van. Discourse as structure and process (Discourse studies: A multidisciplinary introduction, 1). – London & Thousand Oaks : Sage, 1997. – 356 p.
17. Stubbs M. Discourse Analysis: the Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Chicago : University of Chicago Press. 1983. – 288 p.

Статья поступила в редакцию 28.08.2022

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Problemy verbalizacii koncepta: teoreticheskoe issledovanie. – Volgograd : Peremena, 2003. – 96 s.
2. Askol'dov S. A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya / pod obshch. red. d-ra filol. nauk, prof. V. P. Neroznaka. – М. : Academia, 1997. – S. 267–279.
3. Babushkin A. P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka. – Voronezh : Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1996. – 103 s.
4. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – 5-e izd., ispr. i dop. – Nazran' : ООО «Piligrim», 2010. – 486 s.
5. Katermina V. V., Balaeva M. V. Verbalizaciya koncepta «zashchita» v romane Margaret Etvud «Slepoj ubijca» // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2021. – № 4(113). – S. 27–37.
6. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. Ponyatie logoepistem // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur. – 1999. – Vyp. 2. – S. 248–257.
7. Kubryakova E. S. O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty : sb. obzorov. – М. : INION RAN, 2000. – S. 7–25.
8. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. – М. : ITD GK «Gnozis», 2003. – 280 s.
9. Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. Konceptual'nye issledovaniya. – М. : Flinta : Nauka, 2011. – 176 s.
10. Sternin I. A. Metodika issledovaniya struktury koncepta // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki. – Voronezh : Istoki, 2001. – S. 58–65.
11. Tarasova I. A. Hudozhestvennye koncepty v formate poeticheskogo slovarya // Voprosy leksikografii. – 2019. – № 16. – S. 59–76.
12. Ticher S., Mejer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa. – Har'kov : Gumanitarnyj centr, 2009. – 356 s.
13. Burns A. Milkman. – London : Faber and Faber, 2018. – 368 p.
14. Cambridge dictionary [Elektronnyj resurs] // Cambridge University Press. – Rezhim dostupa : <https://dictionary.cambridge.org/ru> (data obrashcheniya: 03.08.2022).
15. Collins English Dictionary [Elektronnyj resurs] // Collins. – Rezhim dostupa : <https://www.dictionary.com/browse> (data obrashcheniya: 03.08.2022).

16. Dijk Teun A. van. Discourse as structure and process (Discourse studies: A multidisciplinary introduction, 1). – London & Thousand Oaks : Sage, 1997. – 356 p.

17. Stubbs M. Discourse Analysis: the Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Chicago : University of Chicago Press. 1983. – 288 p.

The article was contributed on August 28, 2022

Сведения об авторах

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>, veronika.katermina@yandex.ru

Балаева Мария Вадимовна – соискатель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-5694-5957>, balaevaa89@gmail.com

Author Information

Katermina, Veronika Viktorovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-9141-9867>, veronika.katermina@yandex.ru

Balaeva, Maria Vadimovna – Applicant, Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5694-5957>, balaevaa89@gmail.com